

Ю. А. Рылов

О СЕМАНТИЧЕСКИХ ДОМИНАНТАХ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

На материале итальянского и русского языков

Под “картиной мира” следует в самом общем виде понимать объективную действительность, постоянно меняющуюся и развивающуюся. Человек воспринимает картину мира не как хаотическое нагромождение фактов и предметов, а как “упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (групповом, индивидуальном) сознании”¹. Восприятие мира в значительной мере обусловлено, с одной стороны, принадлежностью индивида к различным общностям и, с другой — его личными характеристиками: образованием, профессией, возрастом, полом. По-разному видят процессы природы биолог и крестьянин, поэт и метеоролог. Например, там, где для поэта “мороз и солнце, день чудесный”, для метеоролога — “обширный антициклон с низкой температурой и отсутствием облачности”.

Картина мира содержит и этнический компонент, который представлен *языковой картиной мира* и совокупностью традиций, обычаев, верований, суеверий, т.е. тем, что предопределяет *этнический стереотип поведения* представителей того или иного этноса². Языковая картина мира — это комплекс языковых средств, в которых отражены особенности этнического восприятия мира, “это совокупность представлений народа о действительности, зафиксированных в единицах языка, на определенном этапе развития народа”^{1а}.

Способность языковых средств, прежде всего номинативных, выражать информацию о мире с этнических позиций связывают, в первую очередь, с тем, что языковые системы имманентно по-разному представляют окружающую действительность: “Известно, что каждый естественный язык по-своему членит мир, то есть имеет свой специфичный способ его концептуализации. Иными словами, в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью. (Этому никак не противоречит тот факт, что все национально-специфические модели мира имеют и общие, универсальные черты)”³.

Второй составляющей этнической картины мира, играющей важную роль в восприятии действительности, являются, как было уже сказано, традиции, обычаи, верования, суеверия народов. Например, там, где мы видим одно число, итальянцы (и некоторые другие народы) видят другое. Речь идет об этажах. Если итальянец говорит, что он живет на третьем этаже (*abito al terzo piano*), то для нас это означает, что он живет на четвертом этаже, т.е. в таких случаях первый этаж (*pianoterra*) не учитывается, считается как бы нулевым, хотя в то же время, когда итальянец говорит, что он живет в трехэтажном доме, то называет его *casa a tre piani*. Здесь, однако, возможна и путаница. Так, при переводе газетной заметки о рухнувшем трехэтажном доме (*palazzo a tre piani*) с итальянского на русский язык итальянские студенты-русисты столкнулись с неожиданной для меня трудностью. Их мнения разделились: одни утверждали, что это четырехэтажный дом (*tre piani e il pianoterra*), другие, что это трехэтажный дом в нашем понимании. Лишь после обращения к словарю все согласились, что все-таки это трехэтажный дом.

Восприятие чисел этим не исчерпывается. Так, согласно русской традиции, нечетное число цветов используется при поздравлении, в то время как четное — на похоронах. В Италии такой традиции нет, поэтому русская художница была в шоке, когда получила несколько букетов с четным числом цветов (Они что, меня хоронят?). В еще большем шоке был искусствовед из Палермо, которому в осеннем Петербурге преподнесли букет роскошных белых хризантем, прочно ассоциирующихся в сознании итальянцев с кладбищем и похоронами. Более того, при вручении букета ему аплодировали, а аплодисменты — часть похоронного ритуала (особенно, когда хоронят молодых или горячо любимых народом артистов). Если для русских и многих других народов “несчастливым” числом считается 13, то для итальянцев это — 17.

Обычно языковая картина мира, создаваемая тем или иным языком, связывается с его лексикой, что совершенно естественно: именно слова делят окружающую действительность на участки. В разных языках это деление происходит по-разному, что обусловлено системностью языка, в частности системной организацией лексики, не допускающей наложения одной системы на другую. Поэтому семантическое и функциональное тождество двух слов в разных языках в принципе невозможно (за исключением, пожалуй, некоторых терминологических образований), а

имеются лишь различного рода соответствия; это обусловлено тем, что между единицами одной системы устанавливаются отношения, отличные от отношений в другой системе. Примеры общеизвестны. Русским словам *стол, дом, рука* в их основном значении соответствуют по крайней мере по два итальянских, отражающих аналогичный отрезок действительности: *tavolo, tavola; casa, palazzo; mano, braccio*. Более того, за некоторыми словами скрываются уникальные понятия национального мироощущения, которым вообще трудно подобрать точные соответствия в других языках. А. Вежбицкая относит к таким словам следующие: *душа, судьба, тоска*⁴. Приведенный набор понятий несколько произволен и может быть значительно расширен, в первую очередь, за счет лексики, касающейся внутреннего мира человека: *стыд, совесть, вина, печаль, терпение, надежда, беда, счастье — несчастье, удача — неудача, обида, долг, грех, справедливость, правда, ложь, интеллигентность* и многих других⁵.

Эти слова и стоящие за ними понятия не менее важны для русской языковой картины мира, чем *душа, судьба, тоска*. Объединяет же все эти слова то обстоятельство, что порой они труднопереводимы на другие языки. В самом деле, слово *душа*, привлечшее в свое время внимание В. Гумбольдта⁶, при переводе на другие языки интерпретируется весьма разнообразно. Например, если, во-первых, в сознании русского народа *душа* противопоставлена *телу* (*душа* и *тело*), то у англичан в соответствующем выражении противопоставлены *mind* “*разум*” и *body* “*тело*” — *mind and body* (ср. также: *камень с души свалился* — *it is a load off smb's mind*); во-вторых, это слово в русском языке — в отличие от английского — является частотным и входит в целый ряд выражений, которые редко переводятся на английский язык со словом *soul* — наиболее близким русскому слову в семантическом отношении, но далеко не покрывающим всего многообразия его проявлений. Из 34 русских фразеологизмов со словом *душа*, приводимых С. Г. Тер-Минасовой, лишь 4 переведены с использованием слова *soul* (в основном в значении *человек*: ни души — *not a soul*); чаще используется *heart* “*сердце*” (15 раз): *всей душой* — *with all one's heart*, *работать с душой* — *to put one's heart to one's work*; встречается также слово *conscience* “*совесть*”: *кривить душой* — *to act against one's conscience*⁷. В русской языковой картине мира слово и концепт *душа* — внутренний психический мир человека — занимают особое место; отсюда тяга к самоанализу, погружение в сферу внут-

ренных переживаний, “копание в себе”, так прекрасно описанные русскими писателями.

В итальянском языке русскому слову *душа* соответствуют в основном три слова: *anima* (добрая душа — *anima buona*), *cuore* (всей душой — *di tutto cuore, con tutto il cuore*) и реже *animo* (раскрыть душу — *aprire l'animo*, наряду с *aprire il cuore*). Можно отметить большее — по сравнению с английским языком — совпадение фразеологических единиц со словами *душа* и *anima*: отдаться душой и телом — *darsi anima e corpo*; пропащая душа — *anima persa, anima dannata*; любить всей душой — *amare con tutta l'anima*; душа моя! — *anima mia!* и др. Ср. также: *Eppure qui non c'era anima viva* (Collodi) — Здесь ведь нет *ни живой души*. В то же время *anima* имеет и терминологические значения: *дужка* (в струнных инструментах), *язычок* (в мундштуке духовых инструментов), *канал ствола*; *anima rigata* — *нарезной канал*. В целом можно признать, что концепт *anima* не играет в итальянском мироощущении той роли, которую играет *душа* в русском. Более важным, на наш взгляд, для итальянцев является концепт *cuore* “сердце”, представляющий сферу эмоций (*sentimento, passione*).

Возвращаясь к исходному пункту данного размышления, а именно к проблеме перевода национально обусловленных понятий, приведем еще один пример. М. Динелли, анализируя отрывок из статьи В. Ерофеева об А. Марининой, обращает внимание на словосочетание *жалеть по-бабски* (“Большинство клиентов она *по-бабски жалеет*, валя все на пьянство, над ворами смеется, зато не любит грабителей”), в котором наличествуют сразу два специфичных русских стереотипа: *жалеть* и *по-бабски*, не имеющих “соответствия в культурной модели” носителей итальянского языка и представляющих при переводе трудность именно лингвокультурологического характера. Если переводить более или менее дословно (*Marinina si impietosisce dei suoi clienti come s'imprietosisce una donnetta*), то получается непонятная и непостижимая для итальянца ситуация. М. Динелли предлагает отказаться от перевода языковой модели и считает, что нужно воспроизводить исходную картину мира так, чтобы она была понятна в конечном тексте. В результате, *жалеть по-бабски* в итальянском языке предстает как “*жалеть, следуя чисто женскому инстинкту сердца*” (обратим внимание на то, что эмоциональный концепт *по-бабски* интерпретируется через *istinto del cuore* “инстинкт сердца” — sic!):

“*Seguendo l'istinto, tutto femminile, del cuore, s'imprietosisce*

della maggior parte dei suoi clienti dando la colpa all'alcolismo, sorride dei ladri, ma in compenso non le piacciono i rapinatori"⁸.

Таким образом, различия в отображении языковой картины мира имманентно заложены в лексической системе языка. При этом различные участки этой картины “разработаны” в разных языках неодинаково, что в одних случаях объясняется условиями жизни, климатом. Этнос, считает Л. Н. Гумилев, “явление географическое, всегда связанное с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос”⁹. Этим объясняется наличие в языке эскимосов обширной группы слов, обозначающих различное состояние льда, а в арабском языке — номинаций многочисленных разновидностей верблюда. В других случаях “разработанность” отдельных участков лексики обусловлена этнокультурными особенностями народа. Так, А. Вежицкая считает, что в русской лексике широко — гораздо шире, чем в английской — представлены такие сферы как *эмоциональность, иррациональность, любовь к морали*, отражающие наиболее яркие черты русского национального характера^{4а}. В. Н. Телия относит к “разработанным” сферам когнитивный концепт *patría*, представленный целой группой наименований (*родина, отечество, отчизна, родные края, родная сторона, родная сторонка, родные могилы, родина-мать*)¹⁰; Анна А. Зализняк — семантику щепетильности, представленной словами *обида, обидно, совестно, стыд, стыдно, неудобно*¹¹. По мнению П. Л. Коробки, в русской фразеологии шире представлены концепты *гостеприимство, корпоративность*, а в английской — *эгоизм*¹².

Подобные “разработанные”, или “акцентированные” (с точки зрения другого языка) участки концептуальной сферы Е. В. Падучева называет *семантическими доминантами*¹³. Семантические доминанты могут создаваться не только лексическими единицами, но и грамматическими средствами. Так, А. Вежицкая выделяет концепт *неагентивость*, создаваемый построениями с субъектом в дательном падеже типа *мне не спится, мне хочется, мне можно, мне нельзя, мне нужно и др.*^{4а} Г. А. Волохина и З. Д. Попова на материале русского простого предложения выделяют концепты *бытие объекта, бытие признака объекта, инобытие объекта, самостоятельное перемещение агенса, агент воздействует на объект, речемыслительная деятельность человека, пациент претерпевает состояние, небытие объекта* как мыслительные образы, стоящие за синтаксическими конструкциями различного типа и — наряду с лексическими единицами — формирующие семантическое пространство русского языка¹⁴.

В качестве иллюстрации сказанного рассмотрим семантические доминанты глагольной сферы в итальянском и русском языках.

В глагольной системе итальянского языка особое место занимает глагол *fare* “делать” — универсальный заместитель любого глагола при субъекте действия, своеобразное глагольное местоимение — *verbo vicario*, согласно итальянской грамматической терминологии¹⁵. В русистике тоже существует мнение о местоименном характере русского глагола *делать*, имени действия¹⁶, хотя разница между двумя глаголами огромная: итальянский глагол занимает 17-е место по частотности употребления среди всех слов итальянского языка (индекс 10121) и в этом отношении следует за наиболее употребительными служебными словами (артиклями, союзами, предлогами, вспомогательными глаголами *essere* и *avere*, вопросительным местоимением *che*, утвердительной и отрицательной частицами): *il, di, essere, e, a, un, in, avere, non, che, si, da, lo, che* (союз), *per, con*¹⁷. Согласно частотному словарю разговорной речи, относящемуся, правда, к более позднему периоду, “рейтинг” глагола *fare* еще выше — 15-е место¹⁸. Для сравнения: русский глагол *делать* занимает по частотности 151-е место¹⁹.

Fare может замещать другие глаголы не только в вопросительных предложениях (— Что он делает? — Спит, гуляет, идет сюда и т.д.), но и как единица с конкретным лексическим значением. Например, в комментариях прямой речи глагол *fare* может использоваться в качестве глагола говорения:

“Una moto si aggiusta” *mi fece* (Pavese). — Мотоцикл можно починить, — *ответил* он.

— Bello! — *fece* Stefania, carezzando il cane. — È un setter (Calvino)? — Красавец, — *сказала* Стефания, поглаживая собаку. — Это сеттер?

— Ecco che la signora mi capisce, — *fece* l’operaio (Calvino). — Вот синьора меня понимает, — *сказал* рабочий.

В подобных контекстах *fare* встречается и в переводных текстах:

— Хм, — озабоченно *хмыкнул* Филипп Филиппович, всматриваясь в зрачки гостя (Булгаков). — “Uhm”, — *fece*, preoccupato Filipp Filippovic’, esaminando le pupille dell’ospite.

Fare может выступать в качестве синонима огромного числа глаголов и, соответственно, заменять множество других глаголов: *fare una camicia* = *cucire, confezionare una camicia* “(с)шить рубашку”; *fare una casa* = *edificare una casa (stanno facendo una casa)* “(по)строить дом”; *fare la minestra* = *cucinare la minestra*

“(с)варить суп”; *fare un discorso* = *pronunciare un discorso* “произнести речь”; *fare un libro* = *scrivere un libro* “(на)писать книгу”; *fare* = *partorire* (la gatta *ha fatto* tre gattini “кошка принесла трех котят”) “родить”; *fare un contratto* = *stipulare* “заключить контракт”; *fare acqua* “запаситься водой”, *fare benzina* “заправиться бензином”, *fare legna, fieno* “заготовливать дрова, сено” = *raccogliere* “запасаться, заготовливать”; *fare i piatti* = *lavare i piatti* “мыть посуду”; *fare la barba* = *radere* “брить (бороду)”; *lo fecero sindaco* = *eleggere* “его избрали мэром”; *lo fecero direttore* = *nominare* “его назначили директором”; *ha fatto due anni di carcere* = *passare* “он отсидел два года в тюрьме”; *Ti facevo a Milano e invece sei qui!* = *credere* “Я думал, что ты в Милане, а ты здесь!”; *Questa città fa duecentomila abitanti* = *avere, contare* “Этот город насчитывает двести тысяч жителей”; *Questa casa non fa per noi* = *convenire* “Этот дом нам не подходит”.

Имеется целый ряд в различной степени фразеологизированных сочетаний: *fare coraggio* “подбадривать”; *fare luce* “посветить”; *mi fa male la testa* “у меня болит голова”; *il fumo mi fa male* “мне плохо от дыма”; *la notizia ha fatto molta impressione* “сообщение произвело большое впечатление”; *fare paura* “пугать”; *fare piacere* “доставлять удовольствие”; *fare silenzio* “молчать”; *fare l’avvocato, fare l’oregaio* “быть адвокатом, быть рабочим”; *fare del tennis* “заниматься теннисом”; *fare lo stupido* “валять дурака”; *fare l’ingenuo* “строить из себя наивного”; *fare a meno* “обходиться”; *fare in tempo* “успеть”, *farsi una donna* “переспать с женщиной”, *fare storie: non fare storie* “без историй” (“не усложняй ситуацию”).

Мы привели лишь небольшую часть примеров, иллюстрирующих особенности глагола *fare* как лексической единицы²⁰, но этого достаточно, чтобы убедиться в его ярком своеобразии.

Итальянские выражения с *fare* + “субстантивная синтаксема (с возможными распространителями)” очень часто обозначают не действие, переходящее на объект, а характеристику субъекта или действия, как выражения *fare brutta (bella) figura* “произвести хорошее (плохое) впечатление, выглядеть хорошо (плохо) в чьих-то глазах”; *fare la bella vita* “предаваться развлечениям, жить припеваючи”; *fare la vita da schiavo* “жить рабской жизнью”; *fare la bocca* “привыкнуть”; *fare la fame* “голодать”; *farla franca* “выйти сухим из воды”; в русском языке подобных выражений с глаголом *делать* нет.

Остановимся на синтаксических функциях этого глагола. На основе глагола *fare* образуются так называемые рестриктивные

конструкции *non fa (altro) che + Inf.*; *non fa (altro) se non + Inf.*:

Non fa che mangiare, Non fa altro che mangiare, Non fa altro se non mangiare “Он только и *делает*, что ест”.

Как видим, в итальянской конструкции один предикативный центр — личная форма глагола *fare*, в то время как действие, находящееся в поле рестрикции, выражено инфинитивом; в русском же языке — оба глагола в личной форме. Рестриктивная конструкция реализуется лишь при агентивном субъекте, к тому же не все глаголы подвержены рестрикции:

**Non fa altro che preferire la birra* “*Он только и *делает*, что предпочитает пиво”.

Глагол *fare* — как и косвенные формы местоимения — может выполнять роль своеобразной глагольной репризы в предложении, обозначающем одно и то же действие, что и в предшествующем предложении, т.е. замещать глагол предшествующей пропозиции. В русском предложении соответствующий глагол *делать* обычно опускается:

Io ho dato una mela al bambino, e anche tu l'hai fatto “Я дал ребенку яблоко, ты тоже (это *сделал*)”;

Pietro scrive poesie e anche tu lo fai. “Петр пишет стихи, ты тоже”.

Abbiamo invitato Paolo, ma fare ciò è stato un errore. “Мы пригласили Павла, но это (делать это) было ошибкой”.

Na venduto il suo appartamento e dopo che ha fatto questo, si è messo a cercarne un altro. “Он продал свою квартиру и после этого стал искать другую”.

L'ho sempre rispettato, l'hai fatto anche tu. “Я его всегда уважал, как и ты”.

Иногда при переводе на русский язык предложений с репризой *fare* повторяется глагол основной пропозиции:

Io ci vado, fa' così anche tu “Я поеду, поезжай и ты”; *Lui compra una macchina, fa' così anche tu* “Он покупает машину, купи и ты”; *Veve come non aveva mai fatto prima* “Пьет, как никогда не пил раньше”.

Лишь в отдельных случаях при переводе в русском языке используется реприза глагола *делать*:

Lui ha trascurato gli studi; tu non fare così “Он забросил учебу, ты так *не делай*”; *Abbiamo sempre mangiato carne bovina, ma d'ora innanzi non lo faremo più* “Мы всегда ели говядину, но больше не будем (больше мы этого *делать не будем*)”.

Реприза не распространяется на отрицание, в том смысле,

что обе части высказывания оказываются противопоставленными по отношению к отрицанию; в русском высказывании общее отрицание может заменяться на частное:

Io non ho dato una mela al bambino, ma tu *l'ai fatto*. “Не я дал ребенку яблоко, а ты”.

Io non ho detto niente, è stato lui che *l'ha fatto*. “Я ничего не сказал, а вот он — да (Не я это сказал, а он)”.

С глаголом *fare* образуются и плеонастические построения (напоминающие конструкции с местоименным плеоназмом²¹), т.е. построения с избыточным глаголом *fare*, столь характерные для итальянского языка и реализующиеся в вопросительных предложениях; глагол *fare* при этом выступает в личной форме и подчиняет смысловой глагол в форме инфинитива при помощи предлога *di* или *a*. При переводе на русский язык глагол *fare* опускается, и инфинитив передается личной формой глагола:

Lo *fai volentieri, a studiare* la matematica? “Ты охотно занимаешься математикой?”

Lo *fai spesso a telefonare* ai tuoi genitori? “Ты часто звонишь родителям?”

Come *fai a saperlo*? “Откуда ты это знаешь?”

Come *fai a prepararlo*? “Как ты это готовишь?”

Come *fai a dire* queste cose? “Как ты можешь говорить такое?”

Come *faccio ad andare* a Rimini? “Как мне доехать до Рими-ни?”

На основе глагола *fare* осуществляется и эмфаза глагольного признака. При этом подчеркиваемое действие выражено инфинитивом, финитная же форма глагола *fare* является предикативным центром. В русском языке в аналогичных случаях обе глагольные формы — личные:

Quello che *ha fatto* è stato di spedirle un telegramma. “То, что он *сделал*, так это послал ей телеграмму”.

Наконец, *fare* (наряду с глаголом *lasciare*) может переводить непереходные глаголы в разряд переходных и выступать в качестве каузативного глагола. Ср.: *far cadere* “уронить”; *far entrare* “впустить”; *far venire* “вызвать”; *Chi te lo fa fare?* “Кто тебя заставляет?”; *Li ho fatti tacere* “Я заставил их замолчать”; *No fatto giocare i bambini* “Я занял детей игрой”.

Если каузируемый глагол переходный, то инфинитив подчиняет прямое дополнение без предлога; оно может замещаться косвенной формой местоимения:

Paolo fa invitare *Piero* “Павел заставляет пригласить Петра

(делает так, чтобы пригласили Петра)”; Paolo *lo fa invitare* “Павел заставляет пригласить его”.

Косвенное дополнение присоединяется к инфинитиву каузируемого глагола при помощи предлогов *a* или *da*:

(1) Paolo *fa mangiare la minestra a Piero (gli fa mangiare la minestra)*;

(2) Paolo *fa mangiare la minestra da Piero* “Павел заставляет Петра есть суп”²².

В (1) косвенное дополнение подчинено глаголу *fare* в форме, соответствующей дативу и замещаемой дативом местоимения *gli*; в (2) подчинено инфинитиву в форме агента пассивной конструкции. Естественно, предлоги несколько модифицируют синтаксическое значение косвенного дополнения.

Предложения типа (2) возможны, на наш взгляд, не только потому, что агент каузации напоминает агента пассивной конструкции, но и потому, что возможно сочетание каузативной конструкции с пассивной:

Piero *si è fatto spedire un pacco dai genitori* “Петр заставил родителей послать ему посылку”.

Каузативная конструкция позволяет одному субъекту активно вмешиваться в действия другого: *Perduto per perduto, tanto vale che mi faccia arrestare per oltraggio alla forza pubblica* (Moravia)..... “Была ни была, уж лучше пусть меня арестует полиция за нарушение порядка” (буквально: “Уж лучше он заставит арестовать меня полиции”).

Особое место и особая роль глагола *fare* в глагольной системе итальянского языка, его экспансия и универсальность, заключающаяся в способности вступать в отношения синонимии (гесп. взаимозамены) с огромным числом глаголов, отнюдь не означают бедности этой системы. Напротив, Ф. Фоки, автор памфлетов на тему функционирования итальянского языка в современном обществе, саркастически констатирует тот факт, что бюрократический язык всячески избегает глагола *fare*, чему способствуют и учебники по стилистике, рекомендуемые вместо *fare* глагол *effettuare* “осуществить”: “...идет ли речь о платеже, рецепте, осмотре места происшествия, походе в гости, экскурсии, краже или самоубийстве. К сожалению, это правда: Он подверг себя смерти, сбросившись и *осушествив* головокружительный полет с высоты восьмидесяти метров, — как писалось в свое время в газетной хронике”. В качестве рекомендуемых синонимов *effettuare* обычно даются *esplicare, espletare*²³.

В сфере русского глагола действует иная, не менее яркая

доминанта — активное приставочное словообразование. Что касается итальянского языка, то активных процессов подобного рода у глагола не наблюдается, в отличие от сферы имени, где активны префиксы *anti-, retro-, semi-, sopra-, sovra-, sub-, sotto-, pre-, post-, inter-, para-, pluri-, poli-, iper-, extra-, super-, ultra-* и др.: *semiselvaggio, sopratassa, subletteratura, sottoprodotto, preguerra, postumbertino, ipermercato, retrovisivo, interministeriale, paramilitare, pluriennale, polisportivo, supertestimone, ultrapotere*^{23a}. В последние годы появилось слово *extracomunitario* — гражданин страны, не принадлежащей Европейскому сообществу.

Библиография, посвященная русским глагольным приставкам, обширна. Наиболее полное изложение взглядов на проблему глагольных приставок, отражающее современное состояние проблемы, содержится в монографии Г. А. Волохиной и З. Д. Поповой “Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения”²⁴. Отметим, вслед за авторами указанной монографии, некоторые особенности приставочных глаголов.

Во-первых, “практически все приставки входят в связанные основы, т.е. такие, которые без приставки не существуют или имеют без приставки другое значение”^{24a}. В ряде случаев только приставки определяют значение глагола: нанять, принять, обнять, занять, понять, донять, унять, снять, разнять, отнять, поднять, перенять, пронять (с возможным последующим усложнением значения другими приставками: перезанять, подзанять, недопонять, переснять, недоснять). В последнем случае могут возникнуть трудности при переводе глагола на итальянский язык. Так, в словаре В. Ковалева слово “перезанять” интерпретируется следующим образом: *prendere in prestito (spec. per restituire il debito a un altro)* “взять в долг (обычно, чтобы возместить долг другому)”²⁵.

Во-вторых, интересны наблюдения над синонимией приставок и приставочных глаголов; они для нас особенно важны, поскольку сопоставление с другими языками способно выявить иные аспекты проблемы. Синонимия приставок “возникает по причинам, случайным для системы, но, включаясь в систему, синонимия приставок существенным образом на нее влияет”^{24б}. В одних случаях “она возникла из-за включения в восточнославянский инвентарь приставок нескольких южнославянских грамм (*вы/из, с/низ*)”: *вытоптать / истоптать траву, выпечь / испечь пирог, свергнуть / низвергнуть, свести / низвести*.

Во всех других случаях авторы предпочитают говорить о квазисинонимии, т.е. контекстуальной синонимии, основанной, в

первую очередь, на общности корня и “совпадающей ситуации”, “для которой небольшие детали ее осуществления, различаемые приставками, не существенны”^{24в}: *повалить* и *свалить дерево* (“*повалить* — вдоль, по всей длине ствола, *свалить* — сверху вниз, с основания, с корня”), *поставить под кран* и *подставить под кран* (“В этой паре синонимия обеспечивается предложно-падежной формой. Приставка *под-* дублирует сему предлога “ниже”, а приставка *по-* эту сему не дублирует, а указывает на плоское основание места действия”), “*Посыпать яблоко сахаром* (сверху) и *обсыпать яблоко сахаром* (со всех сторон) можно в реальной действительности совершенно одинаково, и все-таки разные приставки акцентируют разные детали этого действия”^{24в}.

К этому анализу можно добавить, что объемное и детализированное видение процесса, действия — характерная черта русской языковой картины мира. Дело не только в том, что практически каждое глагольное действие может быть представлено двумя глаголами, образующими видовую пару и по-разному соотносящимися с действительностью, но и в том, что приставки привносят в значение глаголов яркий этнический компонент. Например, такие разные для русского восприятия действия, как

Я вынес книги из комнаты в коридор,
Я перенес книги из комнаты в коридор,
Я принес книги из комнаты в коридор,
Я унес книги из комнаты в коридор,
Я отнес книги из комнаты в коридор,
Я занес книги из комнаты в коридор,
Я донес книги из комнаты в коридор,
Я снес книги из комнаты в коридор,
Я пронес книги из комнаты в коридор,
Я понес книги из комнаты в коридор,
Я нанес книг из комнаты в коридор,
Я поднес книги из комнаты в коридор,
Я внес книги из комнаты в коридор,

для итальянского мироощущения — практически одно и то же: *Ho portato i libri dalla stanza al corridoio*. Непереводаемость или необязательность при переводе, как указывалось, одно из важнейших свойств семантических доминант. В отдельных случаях, правда, в перевод — в зависимости от контекста — можно внести уточнения. Например, “*Я перенес* книги из комнаты в коридор” можно представить как “*Я снова отнес* книги из комнаты в коридор” (*Ho riportato i libri dalla stanza al corridoio*), а “*Я понес* книги из комнаты в коридор” — как “*Я начал (от)носить*

книги из комнаты в коридор” (*Ho cominciato a portare i libri dalla stanza al corridoio*).

Таким образом, сопоставление разных языков дает нам возможность по-новому взглянуть на проблему синонимии глагольных приставок.

Передача значений русских приставочных глаголов описательным образом — обычная практика перевода и словарей и касается как “прозрачных” образований типа *вбежать / выбежать, влететь / вылететь*, которые переводятся *entrare/ uscire correndo, entrare / uscire volando* “войти / выйти бегом, войти / выйти на лету”, так и таких шедевров словообразования советской эпохи, как *недопоставить, недоукомплектовать, недоучесть*: *fornire meno del dovuto, non dotare (munire) delle necessarie attrezzature, non prendere nella debita considerazione*.

Приставочные глаголы могут иметь причудливые — с точки зрения других языков — значения: *подзаправиться* “*riifornirsi un po' di benzina*” (добавить в бак бензина на заправочной станции); *перепить* “*far bere troppi alcolici*” (напоить большим количеством алкогольных напитков); *перехаживать* (о беременной женщине) “*avere una gravidanza più lunga del normale*” (иметь беременность более продолжительную, чем обычная)²⁵.

Итак, в русской языковой картине приставочные глаголы играют особую роль, заключающуюся в детализации действия, в создании многочисленных нюансов и дополнительных смыслов, в фиксировании в одном слове сложного процесса. В сочетании с видовым значением у приставочного глагола возникает чрезвычайно объемное значение, отражающее протекание действия во времени и пространстве, его качественную или количественную характеристику, что является важным для русского менталитета.

Что касается итальянского языка, то доминирующее положение глагола *fare* в глагольной сфере тоже, безусловно, сказывается на мироощущении итальянцев. С одной стороны, *fare* указывает на активное отношение к внешней действительности, что отражается и на национальном характере итальянцев — активном и предприимчивом. С другой стороны, очень часто выражения с *fare* не обозначают воздействия на объект, а скорее ориентированы на субъект, на его характеристику или его действие: *fare la bella vita* “предаваться развлечениям, жить припеваючи”, *fare una brutta figura* “произвести плохое впечатление, выглядеть плохо в чьих-то глазах”, *far piacere* “доставлять удовольствие” (*mi fa piacere*); *fare la fame* “голодать” (см. также примеры в начале статьи). Не случайно субстантиват *fare* может означать и ма-

неру поведения, образ жизни: *Non mi piace il tuo fare* “Мне не нравится, как ты ведешь себя”. Наконец, экспансия *fare*, его способность к замещению практически любого глагола и очень часто — к его синонимической замене (*Ho bevuto una birra — Mi sono fatto una birra, Studio la matematica — Faccio la matematica, Frequento il terzo anno di medicina — Faccio il terzo anno di medicina* и т.д.; см. также примеры в начале очерка) приводят к универсализации действия. Таким образом, в исследуемых языках в глагольной сфере действуют, можно сказать, две противоположные тенденции — детализации и универсализации действия.

В целом, сочетание доминирующего агентивного субъекта с глаголом *fare* подчеркивает активное мироощущение итальянцев. В то время как разнообразие способов выражения синтаксического субъекта и диверсификация внешне сходных действий, выраженных приставочными глаголами несовершенного или совершенного вида, отражают “нацеленность” русских на детализацию и объемное представление процесса.

¹ Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2002. С. 5. ^{1а} С. 6.

² См.: Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М.: Рольф, 2000. С. 81; Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. С. 474 и далее.

³ Урысон Е. В. Языковая картина мира vs. обиходные представления // ВЯ. 1998. С. 5.

⁴ См.: Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: “Русские слова-ри”, 1996. С. 33. ^{4а} С. 33—34.

⁵ См.: Арутюнова Н. Д. О стыде и совести // Логический анализ языка. Язык этики. М., 2000; Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Концепт долга в поле должествования // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991; Зализняк Анна А. О семантике щепетильности (*обидно, совестно и неудобно* на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка. Язык этики. М., 2000; Панова Л. Г. Грех как религиозный концепт (на примере русского слова “грех” и итальянского “*peccato*”) // Там же; Тарланов З. К. Русское безличное предложение в контексте этнического восприятия // ФН. 1997. № 5—6; Радзиевская Т. В. Слово *судьба* в современных контекстах // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

⁶ См.: Гумбольдт В. Избр. труды по языкознанию. М., 1984. С. 181.

⁷ Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. С. 162—170.

⁸ Dinelli M. Жалеть по-бабски in italiano: problemi di traduzione interculturale // Лингвистика и культурология. М., 2000. С. 217—218.

⁹ Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 29.

¹⁰ См.: Телия В. Н. Наименование РОДИНА как часть социального кон-

цепта PATRIA в русском языке // Языковая категоризация: Материалы Круглого стола, посвящ. юбилею Е. С. Кубряковой по тематике ее исследования. М., 1997. С. 77—79.

¹¹ Зализняк Анна А. Указ. соч. С. 29.

¹² См.: Коробка П. Л. Идиоматическая фразеология как лингводидактическая проблема. АКД. М., 1998; См. также: Тер-Минасова С. Г. Указ. соч. С. 148—150, 212—213.

¹³ Падучева Е. В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // *Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave*. Unipress, 1966. С. 163—165.

¹⁴ Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999. С. 3—5, 194—196.

¹⁵ См.: Salvi G. *La frase semplice* // *Grande grammatica italiana di consultazione*. Bologna, 1988. Т. 1. Р. 82.

¹⁶ См.: Шведова Н. Ю., Белоусова А. С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М., 1995. С. 9.

¹⁷ См.: Sciarone A. G. *Vocabolario fondamentale della lingua italiana*. Minerva Italica, 1977. Р. 109.

¹⁸ См.: De Mauro T., Mancini F., Vedovelli M., Voghera M. *Lessico di frequenza dell'italiano parlato*. Bologna, 1993.

¹⁹ Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977.

²⁰ См.: Kovalev V. *Dizionario russo-italiano, italiano-russo*. Zanichelli, 1995; Черданцева Т. З., Рецкер Я. И., Зорько Г. Ф. *Итальянско-русский фразеологический словарь*. М., 1982.

²¹ См.: Рылов Ю. А. Синтаксические связи слов в испанском предложении. Воронеж: ВГУ, 1985. С. 71—74.

²² См.: Skytte G. S., Salvi G. *Fraasi subordinate all'infinito* // *Grande grammatica italiana di consultazione*. Bologna, 1991. Т. II. Р. 499—500.

²³ Fochi F. *Lingua in rivoluzione*. Milano, 1966. Р. 131—132. ^{23a} Р. 36—59.

²⁴ См.: Волохина Г. А., Попова З. Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж, 1993. С. 3—21. ^{24a} С. 154. ^{24б} С. 159. ^{24в} С. 159—160.

²⁵ Kovalev V. *Op. cit.*